

неprecisném základě, protože Meščerského edice textu není zřejmě dostatečně spolehlivá.

Závěrem si musíme položit ještě jednu otázku: je úkol, který si autoři vytýčili na začátku své práce beze zbytku splněn? Pokud jde o zachycení kompletního lexika jedné edice Židovské války (nikoli skutečné památky, respektive alespoň její rukopisné verze) a pořizení seznamů slov a jejich tvarů včetně lokací, pak nepochybně splněn byl; řada informací je zde dokonce redundantní, neboť velká masa slov se v rejstřících v různě setříděných sestavách stále opakuje. Je také třeba mít na paměti, že celé dílo představuje pouze jeden možný směr lexikálních studií a že pokud by se uvažovalo o edici památky a textově kritickém aparátu, bylo by je nutno — jakkoli je materiálově vyčerpávající — ještě doplnit. Zejména by bylo vhodné rozšířit údaje o vlastních jménech o odkazy na denotát a pak zpracovat obdobně jako vlastní jména i apelativa a jejich význam, aby tak byla postížena celá slovní zásoba jako integrální celek a aby byla k dispozici ve všech svých aspektech potenciálnímu uživateli, popřípadě editorovi dané staroruské památky.

Eva Pallasová

Адам Евгеньевич Супрун: *Полабский язык*. Минск, изд-во „Университетское“ 1987. 94 стр.

Автором настоящей работы является видный представитель современной белорусской славистики, профессор Минского гос. ун-та А. Е. Супрун. Рецензируемой книге предшествовал целый ряд работ. Тематически к ней относятся, напр. „Полабские числительные“ (Фрунзе, 1962, 68 с.), „Лексічная спалучальнасць у палабскай мове“ (Минск, БДУ, 1973, 32 с.), „К изучению полабской фразеологии“ (В: Исследования по славянской филологии. Сборник, посвященный памяти академика В. В. Виноградова. Москва, изд-во МГУ, 1974, 301—306), „Асноўныя праблемы палабскай семасіялогіі (VIII Міжнародным з'езд славістаў. Доклады. Минск, БДУ, 1978, 20 с.), „Типы речевой деятельности, зафиксированной в записях полабского текстового материала“ (Sl, 47/1978/, 368 — 370).

Предлагаемая книга является учебным пособием, которое представляет собой первое на русском языке описание языка полабских древлян, славянского языка, распространенного на западном берегу Эльбы недалеко от Лüneбурга вплоть до середины XVIII в. Книга слагается из шести разделов. В предисловии („Предисловие“, с. 3 — 14) даются необходимые историко-географические сведения о территории, заселенной полабскими славянами, и обзор сохранившегося небольшого количества письменных памятников. Сведения о полабском языке основываются на записях и словариках этого языка, сделанных немецкими любителями народного творчества. Для его изучения привлекаются также данные топонимики. Дается также обзор истории полабистики, зародившейся в течение XIX в.

В первом разделе („Фонетика, фонология, графика“, с. 14 по 22) дается описание фонетической, фонологической и графической системы полабского языка. Записи велись не специалистами, а любителями. Это обусловило непоследовательность в применении средств графики и орфографии. Особо сложно было с теми звуками, которые не имели аналогов в немецком языке.

Система гласных и согласных звуков представлена в наглядных таблицах (ср. с. 18 — 20). Полабский вокализм включал 8 носовых монофтонгов (*i, ū, u, e, ō, o, a, ā*), 2 носовых (*o, q*), 3 дифтонга (*au, ai, oi*), а также 2 редуцированных в слабой позиции (*ā, ē*). В состав полабского консонантизма входило 34 согласных.

Ударение в полабском языке было динамическое, подвижное. Падало на по-

следний слог или на предпоследний (если в последнем находился редуцированный, краткий гласный).

В конце настоящего раздела анализируется структура слога, правила, определяющие сочетания согласных, зафиксированные в материале консонантные инициалы, состоящие из двух или более согласных.

Звуковая структура морфем и чередования рассматриваются во втором разделе („Морфонология“, с. 22 — 25). Чередования гласных и согласных звуков происходили в основном в связи с происшедшими историческими преобразованиями.

Третий раздел („Лексика“, с. 24 — 39) посвящен описанию лексики полабского языка. В записях зафиксировано около 2800 лексических единиц, из того числа свыше 1900 представляют собственно славянские образования, более 600 слов — это немецкие заимствования, около 200 слов включают немецкие корневые или словообразовательные морфемы. Рассматриваются также сочетания слов. Их определенная часть представляет собой фразеологизмы. Их изучение интересно для славянской и общей фразеологии.

Полноление полабского словаря осуществилось как путем заимствования из других языков, так и путем образования новых слов. Этот вопрос рассматривается в четвертом разделе („Словообразование“, с. 39 — 50). Основным средством словообразования являлась суффиксация. Приводятся суффиксы, при помощи которых образовались новые имена существительные, прилагательные и наречия. Далее уделяется внимание суффиксальному и префиксальному образованию глаголов, глагольным постфиксам и образованию наречий. В полабском существовали только действительные причастия настоящего времени, образованные при помощи суф. -*ac* (ср. *kosājacē* „кусающий“), и страдательные причастия прошедшего времени, основным образующим суф. был -*l* (ср. *zosaülenē* „засоленный“), изредка -*t* (ср. *batitē* „битый“). Зафиксировано около двух десятков сложных слов, относительно продуктивными были сращения (ср. *jsin-mond* „сентябрь“). Некоторые образованы как кальки немецких слов (ср. *vaind-mond* от *Weinmond*).

Пятый раздел („Словоизменение“, с. 50 — 72) посвящен разбору полабского словоизменения. До нас не дошла ни одна полная парадигма не только конкретного слова, но и целого класса слов.

Наиболее универсальной грам. категорией было число (единственное, двойственное, множественное). В полабском было три рода, категория одушевленности-неодушевленности, шесть падежей. Противопоставление несовершенного и совершенного вида находило внешнее выражение в префиксальных и суффиксальных средствах. Временная система складывалась с видовой: аорист (прош. вр. гл. образом совершенного вида), имперфект (прош. вр. гл. образом несовершенного вида), претерит (наиболее употребительное прош. вр. обоих видов), настоящее время (для глаголов несов. вида), будущее простое (для глаголов сов. вида), будущее сложное (образовано соединением личных форм вспомогательных глаголов *sa* „хочу“ или *tot* „имею“ и инфинитива основного глагола обоих видов). Категория лица в глаголе характеризовалась противопоставлением трех лиц в большинстве глагольно-временных форм. Наряду с глаголами изъявительного наклонения представлены в материале также формы повелительного наклонения и инфинитива. Общепринятой классификации глаголов по словоизменительным классам нет. Псл. классные различия подверглись значительным унифицирующим изменениям. На следующих страницах настоящего раздела проходятся отличительные черты словоизменения имен существительных, прилагательных, числительных, местоимений, глаголов.

В шестом разделе („Синтаксис“, с. 73 — 74) анализируются вопросы, связанные с синтаксисом полабского языка. Сначала уделяется внимание словосочетаниям, засвидетельствованным в собранном материале. Что касается простого предложения, можно сказать, что полабский принадлежал к языкам с поминативным строем предложения. Обычный порядок слов: субъект — предикат — объект. Засвидетельствовано также несколько безличных предложений. Предикат нередко выражался прилагательными или существительными, большей частью при этом использовалась в качестве связки форма глагола *boft* „быть“. Из 25 зафиксирован-

ных сложных предложений — 15 бессоюзные. Среди сложных союзных предложений следует отметить 3 с использованием в качестве союзного средства указательных местоимений. Одно предложение имеет сравнительный характер, передаваемый союзом *kok/kāk*. В одном случае представлен сложный союз *kok — tak* „как — так“. С. полагает, что в полабском языке имеются только начала гипотаксиса. Для выводов о строе сложного предложения материал недостаточен.

Следует „Заключение“ (с. 78 — 79). С. пытается сделать в нем выводы из изучения полабского языка.

Далее приводятся источники („Источники“, с. 80 — 87), из которых С. черпал сведения о полабском языке. В настоящем приложении приводятся полностью в транслитерации, транскрипции с немецким и русским подстрочным переводом все сохранившиеся полабские тексты.

Вслед за тем помещена „Библиография“ (с. 88 — 92). Она содержит сведения о работах, на которые имеются ссылки в тексте книги. Она призвана ориентировать читателя в основных изданиях по полабистике.

В конце книги имеются „Сокращения названий журналов“ (с. 92) и „Содержание“ (с. 93 — 94).

Настоящая работа была издана в качестве пособия, предназначенного для студентов вечернего и заочного обучения филологических факультетов университетов. В ней можно познакомиться с данными полабского языка, которые представляют огромную ценность для познания этого славянского языка, существовавшего в Центральной Европе вплоть до середины XVIII в.

Алеш Бранднер

Charles E. Townsend: A Description of Spoken Prague Czech. Slavica Publishers, Inc., Columbus, Ohio, 1990 — stran 158.

Severoamerický lingvista střední generace Charles E. Townsend představuje především anglickému jazykovému světu „Popis mluvené pražské češtiny“. Reaguje tak aktuálně na nápadný rozpor mezi češtinou vykládanou v učebnicích a živým územ v řeci neoficiální, neformální, s kterou je konfrontován cizinec při návštěvě Čech, tedy především hlavního města. Využil přitom krátkodobých i dlouhodobých pobytů v naší zemi a pochopitelně i českých návštěvníků Spojených států; při hodnocení jevů jako příznačných a typických pro pražskou mluvu vytýká zvláště jevy, které byly skupinou odborníků (většinou Čechů) posléze jednomyslně jako „pražské“ uznány, všimá si však rovněž jazykových prostředků zřetelně v kontextu příznakových, povýtce emocionálních, nicméně nevkládá je do centra komunikačního systému. Kniha obsahuje výběr z bibliografie jazykovědných bohemik, dotažený téměř až do konce osmdesátých let; zevrubně jsou zde uváděny spisy Petra Sgalla vízící se k tématu, který ostatně u nás nejdůkladněji řeší vztahy obecné a pražské češtiny k teorii národního jazyka. Nadto nás v závěru seznamuje nakladatelství Slavica Publishers se svou chvályhodnou literárněvědnou, jazykovědnou a historio- grafickou produkcí, rozvíjející se zejména v osmdesátých letech.

Z označení knihy „Mluvená pražská čeština“ vyplývá, že autor soustřeďuje svůj zájem na popis souboru jazykových prostředků sloužících úzu hlavního města; v novější terminologické tradici české by titul tedy odpovídal spíše „běžné mluvě pražské“ — než pojetí „obecná čeština Prahy“, v němž by se obráželo apriorně úsilí o vystižení struktury nejdůležitějšího českého interdialektu. Zvolený název má výhodu přímocárosti, absence jakýchkoli odborných konotací a výkladových závislostí, nadto pak autora zbavuje povinnosti vysvětlovat vztahy mezi konkurujícími jevy z hlediska novodobé dynamiky češtiny, což by ostatně bylo pro cizince nadmíru obtížné. Při popisu odvíjí autor stav pražské češtiny od spisovného jazyka a taková konfrontace přispívá potom k plastičtějšímu obrazu rozdílů mezi kodifikovaným